

Научно-исследовательский журнал «*Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*»
<https://mhs-journal.ru>

2025, № 9 / 2025, Iss. 9 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.581

Линь Юйтан. Особенности восприятия Конфуция

¹Дышенов А.В.,

¹Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Аннотация: статья посвящена изучению особенностей восприятия Линь Юйтаном Конфуция. В современной науке распространены разные представления о личности основателя конфуцианства: философ, политический деятель, писатель, ученый, фольклорист и проч. Каким Конфуций был на самом деле? За примерно 2500-летнюю историю со дня его рождения, отношение к Конфуцию сменялось от крайне позитивного («сакрализация»), до крайне негативного – «Критика Линь Бяо и Конфуция», каковы причины подобных перемен?

Китайский писатель с мировым именем – Линь Юйтан (1895-1976), рисуя исключительно «человечный» портрет Конфуция, дает свои ответы на данные вопросы, говоря о проблемах исследования Конфуция в области *источниковедения, методологии исследований, субъективизма исследователей и объективной исторической реальности*. Через использование биографического метода Сент-Бёва писатель приходит к выводу о приоритетности «Пятиканония» взамен «Четверокнижия», а также актуальности современных исследований личности Конфуция и его учения не только для иностранных исследователей в эпоху «поворота на Восток», но и для самого Китая в противодействии негативным сторонам процесса глобализации. В известной мере, общепринятая критика Линь Юйтана склоняется в сторону его «даосского субъективизма», в то время как заслуживает серьезного внимания исследователей анализ его гуманистических и христианских воззрений.

Полученные результаты исследования восполняют общую картину не только в истории исследования Конфуция, но главным образом – в истории исследования творчества Линь Юйтана.

Ключевые слова: Конфуций, Линь Юйтан, «Пятиканоние», «Четверокнижие», биографический метод Сент-Бёва, христианство

Для цитирования: Дышенов А.В. Линь Юйтан. Особенности восприятия Конфуция // *Modern Humanities Success*. 2025. № 9. С. 21 – 28.

Поступила в редакцию: 4 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2025 г.; Принята к публикации: 2 сентября 2025 г.

***

Lin Yutang. Peculiarities of perception of Confucius

¹Dyshenov A.V.,

¹Banzarov Buryat State University

Abstract: the article is devoted to the study of the peculiarities of Lin Yutang's perception of Confucius. In modern science, different ideas about the personality of the founder of Confucianism are common: philosopher, politician, writer, scientist, folklorist, etc. What was Confucius really like? Over the approximately 2,500-year history since his birth, attitudes toward Confucius have changed from extremely positive ("sacralization") to radically negative – "Criticism of Lin Biao and Confucius." What are the reasons for such changes?

The world-famous Chinese writer Lin Yutang (1895-1976), drawing an exclusively "humane" portrait of Confucius, and gives his answers to these questions regarding the problematic research of Confucius in the field of *source study, research methodology, the subjectivity of researchers and objective historical reality*. Based on the use of the biographical method of Sainte-Beuve, Lin Yutang comes to the conclusion about the priority of the "Five classics" instead of the "Four books", as well as the relevance of modern studies of the personality of Confucius and his teachings not only for foreign references in the era of the "turn to the East", but also for China itself in order to counteract the negative aspects of globalization. To a certain ex-

tent, generally accepted criticism of Lin Yutang leans towards his “Taoist subjectivism,” while the analysis of his humanistic and Christian views deserves special attention from researchers.

The obtained research results fill out the overall picture not only in the history of research on Confucius, but mainly in the history of research on the work of Lin Yutang.

Keywords: Confucius; Lin Yutang, “Five classics”, “Four books”, biographical method of Sainte-Beuve, Christianity

For citation: Dyshenov A.V. Lin Yutang. Peculiarities of perception of Confucius. Modern Humanities Success. 2025. 9. P. 21 – 28.

The article was submitted: May 4, 2025; Approved after reviewing: July 6, 2025; Accepted for publication: September 2, 2025.

«Я передаю, но не творю,
я верю в древность и люблю ее ...»
«Лунь юй» («Беседы и суждения»)

Введение

Конфуция без преувеличения можно назвать самой знаковой фигурой в истории китайской цивилизации, никакой другой политический, культурный или научный деятель не может сравниться с тем значением, которое представляет собой личность данного человека. Философ, живший за пять столетий до Христа, оставил колossalный след не только в истории Поднебесной, но и в мировой истории человеческой мысли.

За весь период до сегодняшнего дня восприятие Конфуция носило разный характер: от принятия – до критики, от освящения – до очеловечивания. Подобная полифония мнений, их особенности и возможные причины возникновения естественным образом составили **проблематику** данного исследования. Понять, чем же видение Линь Юйтана может дополнить сложившийся уже на протяжении многих столетий, *портрет* Конфуция – **цель** настоящего исследования.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составили работы Линь Юйтана, главным образом – книга «Мудрость Конфуция», отдельные главы из книг, «Китайцы. Моя страна и мой народ», «От язычества к христианству», а также статья «Конфуций, каким его знаю я» из журнала «Китайские критические заметки» (Линь Юйтан, будучи писателем-билингвом, большую часть произведений написал на английском языке. Русскоговорящему читателю доступна только книга – «Китайцы. Моя страна и мой народ» (2010 г.), в переводе Н. А. Спешнева. Цитаты из других книг Линь Юйтана в данной работе приводятся в переводе А.В. Дышенова, опирающиеся как на оригинальные тексты, так и на их переводы на китайском языке.); а также труды по изучению философии и истории конфуцианства.

Результаты и обсуждения

I. Конфуций как объект

Личность Конфуция окружена ореолом таинственности и сменой отношения к нему подобного

маятнику: в своем «ровном положении» от древности Конфуций воспринимался учителем, ученым, блюстителем традиций и ритуалов; во времена неоконфуцианства маятник склонился в сторону «сакрального» понимания Конфуция, он – *совершенномудрый*, святой, равный великим императорам древности; «движение 4 мая» 1919 г. сняло покров сакрального с традиционно святого и святых, вернув Конфуцию образ обычного человека, хотя и наделенного чрезвычайной мудростью и проницательным умом; однако во времена «культурной революции» (1966-1976 гг.) маятник резко качнуло в сторону и некогда святые были «подвергнуты бичеванию», Конфуций не избежал подобной участи в ходе кампании «Критика Линь Бяо и Конфуция».

В современном Китае имя Конфуция полностью реабилитировано [1], повсеместно ему устанавливаются памятники, большей частью в университетских кампусах; за рубежом «памятники» обрели форму живых и действующих Институтов Конфуция – государственных центров распространения китайского языка, расположенных также при университетах в 158 странах мира, где обучается более миллиона человек; через Институт Конфуция вместе с китайским языком окружающему миру транслируются традиционные китайские ценности, и сам Конфуций неизбежно ассоциируется с тем, кто определяет китайскую ментальность, культурный код китайского народа.

I. 1. «Конфуций» Линь Юйтана

Описание Линь Юйтаном древнего мыслителя обретает совершенно иные, «человечные» краски, отличные от распространенных в обществе: Конфуций предстает простым, «настоящим человеком», которому не чужды ошибки, самоирония, юмор и даже грубость. Автор пишет: «Но Конфуций не был исключительно аристократом, потому что он был “настоящим человеком”. Он мог петь и быть чрезвычайно вежливым, но также мог ненавидеть и глумиться с ненавистью и пре-

зрением “настоящего человека”, которое разделял Иисус в своей ненависти к книжникам. В этом мире не было ни одного великого человека, который не испытывал бы искренней и добной ненависти. <...> Он мог быть настолько грубым, как не посмел бы себе сегодня ни один конфуцианец» [8, с. 48], Линь Юйтан подтверждает это ссылкой на «Лунь юй»: «Жу Бэй пришел увидеться с Кун-цзы. Но Кун-цзы, сказавшись больным, не принял его. Однако, как только посланец [правителя] покинул двор, [Учитель] взял сэ-гусли и запел, дабы Жу Бэй мог услышать его» («Лунь юй»: XVII, 20). Автор добавляет: «Этот отрывок из “Лунь юй” сбил с толку всех конфуцианских критиков, которые исходили из предположения, что Конфуций был святым, а не человеком, и всегда был вежлив» [8, с. 48].

Другой фрагмент из жизни Конфуция, описанный в «Лунь юй» и в «Ши цзи» («Исторические записки» – труд историографа империи Хань Сыма Цяня), по мнению Линь Юйтана, показывает, с одной стороны, практичность и здравомыслие Конфуция, с другой – некоторую беспринципность характера: «Был случай его встречи с правительницей Вэй. Она была женщиной известных распущеных нравов, но она была могущественной, даже по сравнению с правителем <...> Конфуций принял приглашение от правительницы и отправился навестить ее <...> При встрече она взяла его с собой кататься по улицам. Правитель и правительница сидели вместе и ездили по улицам в совершенно неконфуцианской манере: ее любимый евнух сидел первым возницей, а Конфуций – вторым. У Конфуция хватило здравого смысла заметить, что уличные люди смотрели на прекрасную молодую правительницу, а не на него самого. Благодаря этой поездке он сделал ставшее знаменитым замечание “люди поклоняются красоте больше, чем добродетели”. После подобного публичного оскорбления он сразу же покинул страну <...> И все же, несмотря на это, он дважды за три года возвращался в Вэй» [8, с. 122]. Может сложиться некоторое негативное впечатление о чрезмерном стремлении Конфуция получения чиновничьего места, ради чего он был готов поступиться принципами и даже оскорблением репутацией, однако то же самое можно расценивать и как его простоту, мудрость, разумное отношение к принципам, взамен слепого, инфантильного, фанатичного следования им. Линь Юйтан пишет: «Конфуций был настолько великим человеком, что он был выше мелочной корректности или простой рабской приверженности принципам. Мэн-цзы признавал, что Конфуций никогда не придерживался каких-либо принципов, и утвер-

ждает, что в этом было его истинное величие» [7].

Приведем пример проявления юмора у Конфуция, и по мнению писателя «лучшего вида юмора вообще – юмора над самим собой»: «Во время провала политической карьеры Конфуция, его ученик Цзы-кун однажды заметил: “Вот кусочек драгоценного нефрита, хранящийся в шкатулке и ожидающий хорошей цены для продажи”. А Конфуций добавил: “Продается! Продается! Я тот, кто ждет хорошей цены, чтобы быть проданным”» [8, с. 53]. Или: «Однажды Учитель и его ученики потеряли друг друга. Вдруг ученики услышали из толпы, что у Восточных ворот стоял высокий человек с высоким лбом, похожий на некоторых древних императоров, но что он выглядел удрученным, как бездомный бродячий пёс. Ученики, наконец, нашли его и рассказали ему об этом замечании, Конфуций ответил: “Я не знаю, похож ли я на тех древних императоров, но что касается того, что я похож на бездомную бродячую собаку, то он прав! Совершенно прав!”» [8, с. 54].

Конфуций может предстать и несколько привередливым человеком, доказательством чему Линь Юйтан приводит исторический факт его развода с супругой, при чем в авторской трактовке именно жена «убежала» от древнего мудреца, а не была оставлена им. Данное мнение находится в некоторой конфронтации с общепринятым объяснением «размолвки» Конфуция, т.е. проявлением их родовой традиции *сиуци* (休妻) «оставления жены», чему следовали не только предки Конфуция или он сам, но и его потомки. Одной из причин «семейных проблем» Конфуция писатель усматривает в его привередливости, будь то в еде: «Если каша была не из отборного обрушенного зерна, если мясо было нарезано недостаточно мелко, если каша от долгого хранения прогоркла, ничего этого он не ел. Испортившаяся рыба и пропущенное мясо не ел. Продукты, имевшие дурной вид и запах, не ел. Плохо сваренное не ел, несвежее не ел. Неправильно разделанное мясо не ел. Если не было соответствующей приправы, не ел. ...» («Лунь юй»: X, 20); или в вопросах одежды: «Благородный муж [Конфуций] не отдельывал воротник темно-красной или коричневой материи, не носил дома красное или коричневое платье. Выходя из дома, в жаркую погоду всегда надевал легкий халат из тонкой или грубой пеньки, [в холодную погоду] – нагольную шубу из овчины, крытую черным, или из пыжика, крытую белым, или лисью, крытую желтым [полотном]. Носил дома длинный на меху халат с укороченным правым рукавом. Спал, всегда укрываясь одеялом длиной в полтора

его роста, сидел на толстых шкурах лисы или енота» («Лунь юй»: X, 6).

Как видим, Конфуций Линь Юйтана – это «настоящий человек» со своим «набором» достоинств и недостатков, но который стремится к взаимодействию с другими «настоящими людьми», вне зависимости от статуса, возраста и прочих биологических или социальных надстроек: «Учитель сказал: «Когда [нас] трое в пути, то каждый из двоих [спутников] может стать моим наставником»» («Лунь юй»: VII, 22).

Конфуций Линь Юйтана – это настоящий учитель, который, неся свой крест педагога, не только до самопожертвования следует пути-дао учителя: «Многие изречения Конфуция, содержащиеся в «Лунь юй», могут быть истолкованы только в свете неторопливой беседы учителя-юмориста со своими учениками, иногда с долей остроумия» [8, с. 47]; не только обладает обширным знанием и мастерством передачи его, но более всего – любит свой «предмет» и желает родить подобное чувство в учениках, что выражалось в его неподдельном стремлении к живому искреннему общению с ними: «Хотя у него и была школа с учениками, однако в отношении учеников он принял метод “диалога”, то есть задавать вопросы, отвечать, общаться и таким путем совершенствовать друг друга», – подмечает авторитетный китайский исследователь Ван Чжаошэн в статье «Линь Юйтан и Конфуций» [12, с. 14].

II. Проблематика восприятия личности Конфуция

Каким же Конфуций был на самом деле? Подобная неоднозначность в восприятии одного и того же человека, одного и того же объекта познания происходит по ряду причин, что в некоторой степени связано с вопросами из области *источниковедения*, а также с применением различных методов исследования.

Как известно, Конфуций не оставил после себя какого-либо памятника, личного творения, посредством которого можно было бы «из первых рук» узнать о его личности. Истории лишь известны книги «Ши цзин» («Книга песен»), «Шу цзин» («Книга историй»), «И цзин» («Книга перемен»), «Ли цзи» («Книга ритуалов») и «Чунь цю» («Весны и осени») – пусть не написанные Конфуцием лично, но собранные, отобранные, отредактированные, конфуцианизированные им, они являлись его «учебниками», главными пособиями в обучении, составив древнее «Пятиканоние» (五经).

Уже на рубеже нашей эры данный канон начал претерпевать изменения: некоторые главы книг были выведены в отдельные книги, а с присоединением работ учеников Конфуция, было утвер-

ждено «Тринадцатиканоние» (十三经). Досунское классическое конфуцианство на протяжении практических десяти веков делало акцент на все книги данного канона, возможно, благодаря чему «на долю Конфуция осталась именно та роль, на которую он с вящей скромностью и претендовал – роль хранителя традиции» [3, с. 32].

В XI-XII вв. со становлением неоконфуцианства, и в основном усилиями Чжу Си и братьев Чэн, из «Тринадцатиканония» были отобраны четыре книги – «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Учение о середине»), «Лунь юй» («Беседы и суждения»), «Мэн-цзы» – и сформировано «Четверокнижение» (四书), новый канон ортодоксии конфуцианского учения, который с XIV в. по XX в. удерживал статус фундамента классической системы образования, основы государственных экзаменов.

Подобные изменения источников познания неминуемо влекли за собой изменения и содержательной части учения. Например, А.Г. Юркевич пишет: «Историки философии уже довольно давно подметили тенденцию к сближению в идеальной системе неоконфуцианства нормативной личности “благородного мужа” (цзюнь-цзы) с идеалом “совершенного мужа” (шэн жэнь)» [27, с. 201], в ранг которого впоследствии был возведен и Конфуций. Так, в книге «Чжун юн» он включается в один ряд с «совершенномудрыми» государями древности, становится «полубогом», святым, проходит его сакрализация: «Чжу Ни [Конфуций] следовал заветам Яо и Шуя, уважал законы Вэнь-вана и У-вана, вверху брал в пример небесный круг времени, внизу перенимал [естество] рек и почвы» («Чжун юн»: 30 чжан/глава).

Произошедшие в XX в. процессы «очеловечивания» («движение 4 мая» 1919 г.), «бичевания» («культурная революция» 1966-1976 гг.) и восстановления имени Конфуция (реформы Дэн Сяопина с 1978 г.), вероятно, не имели связи с *источниковедением*, т.к. авторитет «Четверокнижия» сохранился, а вопросу авторства Конфуция над «Пятиканонием» не уделялось должного внимания, и тогда определение причин столь радикальных перемен в отношении к Конфуцию следует искать, по всей видимости, в появлении множества специалистов филологической, философской, культурологической, религиоведческой, исторической и других направлений, т.е. – в изменении *методологических подходов* к исследованию.

II. 1. Конфуций Линь Юйтана в призме биографического метода Сент-Бёва

Видение Линь Юйтаном Конфуция может показаться странным, а в некоторых случаях даже

рискующим попасть под осуждение, с чем писатель действительно столкнулся за работу «Конфуций встречается с Нань-цзы» (子见南子); однако авторская точка зрения имеет абсолютное право на существование, в силу применяемого им научного метода: «Я буду следовать методу Сент-Бёва ...» – при этом Линь Юйтан сразу предупреждает на которой его части будет делаться акцент – «... и попытаюсь восстановить “портрет” этого человека и его гения на основе его личного поведения, его семейных отношений и его врагов» [7]. Подобное «историческое знание о субъекте» может быть хорошим подспорьем в деле описания какой-либо личности.

В первую очередь, метод Сент-Бёва ставит задачу глубоко изучить семью писателя: «Полученное знание в сочетании с тем, что обнаруживается в самих произведениях, может пролить яркий свет на потаенные и существенные особенности того или иного ума» [10, с. 4227]. Линь Юйтан часто обращается к биографии Конфуция. Например, используя материалы «Ши цзи» Сыма Цяня, даже упоминает фамильную ценность – треножник семьи Кун с выгравированными на нем словами: «При первом повышении я склоняю голову; при втором повышении я согбаю шею; и при третьем повышении я согбаю спину. Я иду вдоль стены, и никто не смеет оскорблять меня. Здесь у меня мой рис, здесь у меня моя каша, ими я наполняю мой рот ...», – и тут же автор добавляет: «Боюсь, это не особо благородная семейная традиция» [8, с. 112].

В историческом знании о субъекте Сент-Бёвом также подчеркивается важность и необходимость определения «первого окружения» писателя, которое оказывает на молодые умы особенное влияние и не может «пройти бесследно» [10, с. 44]. В соответствии с этим, Линь Юйтан приводит две «версии» встречи молодого Конфуция и Лао-цзы, которые отличаются положительным и отрицательным отношением последнего к Конфуцию. Возможно, «положительная версия» несет отпечатки конфуцианской правки, а «негативная» больше похожа на вымысел, но для данного метода важна не качественная составляющая встречи, а сам факт ее наличия. Писатель также говорит об отношении к Конфуцию и главного продолжателя даосизма в Китае – Чжуан-цзы: «Я знаю, что Чжуан-цзы изобрел немало красивой лжи об основателе конфуцианской философии. Но я уже говорил о возможности использования зарядов противника для восстановления образа исторической личности. Сам факт, что Конфуций отталкивал, а не привлекал такого человека как Чжуан-цзы, имеет значение» [7].

Несмотря на достаточно полное использование метода Сент-Бёва, в работах Линь Юйтана все же упускается один аспект, быть может, даже важнейшая его часть, где французский филолог говорит о «генетическом родстве творца с творением», что произведение – это «заговорившая личность» [10, с. 48]. Подобная деталь задает совершенно иной метод литературоведческого исследования, когда именно собственное произведение писателя со всеми своими художественными, текстуальными и прочими особенностями становится главной дверью в познании его автора, основным инструментом создания его *портрета*. По мнению Г.К. Косикова о методе Сент-Бёва: «Вся история писателя сводится к его сочинениям» [5, с. 38]; исследование личности какого-либо литератора должно главным образом опираться на его произведения, а не на «пособия» (комментарии, биографии и проч.), какими бы полезными и авторитетными они ни являлись.

Применительно к Конфуцию данный подход поднимает фундаментальный вопрос об *источниках* его познания и может привести к заключению, способное подорвать привычное современному уму понимание места канона «Четверокнижия» и его притязаний на владение полнотой истины о Конфуции и его учении, а именно то, что книги «Да сюэ», «Чжун юн», «Мэн-цзы» и особенно «Лунь юй» должны уступить авторитет – «Пятиканонию»; «Ши цзин», «Шу цзин», «И цзин», «Ли цзи», «Чунь цю» – вот, что должно стать настольной книгой и «библией» конфуцианца. Именно эти книги содержат отпечаток гения Конфуция – печать, о которой говорит Сент-Бёв: «Самые великие умы владеют как бы печатью, которую они ставят в уголке своего произведения» [10, с. 42].

Несмотря на актуальность данного подхода и амбициозные выводы, к которым он приводит – особенно в части источниковедения, Линь Юйтан все же не говорит явственно о них, словно опасаясь зажечь революционный огонь в конфуциановедении. Он скорее проявляет себя реформатором, пытаясь найти компромисс между настоящим и прошлым. Линь Юйтан выступает за использование традиционных источников познания личности Конфуция, свидетельством чему будут его частые обращения к «Лунь юй», но все же с тем условием, что их следует читать «под особым углом»; содержание «Четверокнижия» должно служить не источником познания, а доказательством выводов из «Пятиканония».

II. 2. «Сторонние» факторы исследовательского процесса

Помимо вопросов из области источниковедения и методологии исследования, перед наукой

встает еще одна проблема – *субъективной составляющей исследователя*: насколько мировоззрение ученого, при всем его стремлении к объективности, может влиять на «конструируемый» им *портрет Конфуция*. Известно, что наиболее авторитетный комментатор Конфуция ханьской эпохи Дун Чжуншу («ханьский Конфуций»), проявляя чрезвычайный интерес к учению Инь-Ян, настолько, что интегрировал космологию Инь-Ян в конфуцианскую этическую систему; другой великий комментатор Конфуция – Чжу Си – был увлечен нумерологией, не подчинил ли он образ мыслей древнего мыслителя положениям «учения о числах»? О субъективизме исследователей XX в. времен кампании «Критика Линь Бяо и Конфуция» не приходится говорить в силу колossalного влияния идеологии того периода.

Линь Юйтаном непременно подчеркивается влияние мировоззрения исследователя на процесс исследования, чего он не отрицает, говоря о себе: «*Неоконфуцианцы смотрели на учение Конфуция глазами буддистов; почему бы мне не посмотреть на учение Конфуция глазами даосизма?*» [9, с. 68]. Однако, какова степень его субъективизма в отношении к Конфуцию – в данном вопросе мнения китайских исследователей об основах мировоззрения Линь Юйтана неоднородны: большая часть ученых считают писателя даосом, усматривая в его мировоззрении множество даосских мотивов, ссылаясь и на его слова: «*Я скорее даос по инстинкту, чем конфуцианец по убеждениям*» [9, с. 68]; малая часть считает писателя гуманистом, ставя под сомнение его «христианский взгляд» и игнорируя его возвращение в церковь на склоне лет.

Мы делаем смелое допущение, что Линь Юйтан «грешит» предпозицией по отношению к объекту своего исследования все же с христианской точки зрения, будучи носителем христианской ментальности даже в моменты своего отхода от церкви. Данная мысль в поле литературоведческих исследований является новой, и нуждается в дальнейшей разработке, как и сам вопрос о явлении «христианской ментальности».

Другим «сторонним» фактором, влияющим на изменение восприятия личности Конфуция, может являться и так называемый фактор *исторической данности*: в отдельные периоды китайской истории учение Конфуция «противостояло» разным философским и религиозным школам, вследствие чего подвергалась пересмотру и личность его основателя. Так, во времена борьбы с даосизмом и легизмом в эпоху Хань, Конфуций – это учитель, ученый и сторонник традиций; во времена дина-

стии Сун в борьбе с буддизмом, Конфуций – святой и совершенномудрый; в XX в. в борьбе с «теизмом», традиционализмом, Конфуций – человек; в нынешнее же время Конфуций, возможно, воспринимается тем, кто может защитить китайскую культуру от «иноzemного» и противостоять негативным сторонам процесса глобализации, Конфуций – «отец китайской нации». Полвека назад Линь Юйтан уже предвидел подобные тенденции: «*Сегодня конфуцианство сталкивается с еще более серьезным соперником – не с христианством, а со всей системой западной мысли и жизни, а также с приходом нового социального порядка, вызванного индустриальной эпохой. Как политическая система, нацеленная на восстановление феодального порядка, конфуцианство, вероятно, устареет в результате развития современной политологии и экономики. Но как система гуманистической культуры, как фундаментальная точка зрения на образ жизни и общество, я верю, что она по-прежнему сохранит свои позиции. Конфуцианство, как живая сила китайского народа, по-прежнему будет определять наше национальное поведение. Именно в этом смысле изучение конфуцианства и его основных верований будет представлять интерес для людей западного мира, поскольку поможет им фундаментально понять китайский дух и нравы китайцев*» [8, с. 31].

Выводы

В современное время «поворота на Восток» (в частности – к Китаю), не только России, но и многих стран мира, вопросу понимания китайской ментальности будет уделяться все большее значение, стимулируя развитие не только китаеведения, но и других отраслей науки. На этом фоне изучение личности Конфуция сохраняет свою непреходящую ценность, и, действительно, перед современной наукой здесь поднимаются серьезные вопросы: от пересмотра *источников познания и методов исследования*, до анализа *субъективной составляющей исследователей и объективной исторической данности*.

В своем творчестве Линь Юйтан пытается «оживить» образ Конфуция, придать ему больше человеческих черт, не в ущерб учености и профессиональному педагогическому мастерству. И хотя подобное видение автора подвергается критике, как и примененный им биографический метод, однако его «Конфуций» оказывается чрезвычайно важным для сегодняшней науки: неявственно, но через все работы Линь Юйтана, на основании которых была построена настоящая статья, словно слышится призыв Конфуция о возврате к «Пятиканонию»: «*Я передаю, но не творю, я верю в древность и люблю ее*» («Лунь юй»: VII: 1).

Список источников

1. Ветлужская Л.Л. Роль Конфуция в период кампании Критики Линь Бяо (1973-1975 ГГ.). Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10 (часть 5). С. 910 – 912.
2. Вираг К. Комментарии к «Великому учению» и развитие китайской философской традиции // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 2. С. 127 – 141.
3. Кейдун И.Б., Хаймурзина М.А., Историческая судьба конфуцианства: учебно-методическое пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. 127 с.
4. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»): пер. с кит. и ком-мент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова ; Вступит, ст. Л.С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.
5. Косиков Г.К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ. С. 5 – 38.
6. Линь Юйтан Китайцы. Моя страна и мой народ: пер. с кит., предисл. Н.А. Спешнев. М.: Восточная литература РАН, 2010. 335 с.
7. Lin Yutang Confucious, as I know him // The China critic. IV:1 [Confucius, каким его знаю я // Китайские критические заметки]. 1931.1.1. URL: http://chinaheritagequarterly.org/030/features/030_confucius.inc (дата обращения: 01.10.2023). (На англ.яз.)
8. Lin Yutang The wisdom of Confucius/孔子的智慧 [Мудрость Конфуция]. КНР, Чанша, 2021. 396 с. (На англ.-кит.яз.)
9. Lin Yutang From pagan to Christianity [От язычника к христианину]. New York: Cleveland, World Publishing Company, 1959. 251 с. (На англ. яз.)
10. Сент-Бёв Ш. Из работ разных лет // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ 1987. С. 39 – 53.
11. Юркевич А.Г., Конфуцианское «Четверокнижие» в концептуальном видении российских синологов. Вестник РУДН, сер.Философия. 2006. № 1 (11). С. 200 – 208.
12. 王兆胜, 林语堂与孔子。广播电视台大学学报(哲学社会科学版) 2000年第1期(总第112期). 64-68页 (На кит.яз.)

References

1. Vetluzhskaya L.L. The Role of Confucius during the Lin Biao Criticism Campaign (1973-1975). International Journal of Applied and Fundamental Research. 2015. No. 10 (part 5). P. 910 – 912.
2. Virag K. Comments on the "Great Learning" and the Development of the Chinese Philosophical Tradition. Problems of the Far East. 2002. No. 2. P. 127 – 141.
3. Keidun I.B., Khaimurzina M.A., The Historical Fate of Confucianism: A Textbook. Blagoveshchensk: Publishing House of Amur State University, 2020. 127 p.
4. Confucian "Four Books" ("Si shu"): trans. from Chinese and comment. A.I. Kobzeva, A.E. Luk'yanova, L.S. Perelomova, P.S. Popova with the participation of V.M. Mayorov; Introduction, article by L.S. Perelomova; Institute of the Far East. Moscow: Eastern Literature, 2004. 431 p.
5. Kosikov G.K. Foreign literary criticism and theoretical problems of literary science. Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX-XX centuries: Treatises, articles, essays. Moscow: Moscow State University Press. P. 5 – 38.
6. Lin Yutang The Chinese. My country and my people: trans. from Chinese, foreword by N.A. Speshnev. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 2010. 335 p.
7. Lin Yutang Confucious, as I know him. The China critic. IV:1 [Confucius as I Know Him. Chinese Critical Notes]. 1931.1.1. URL: http://chinaheritagequarterly.org/030/features/030_confucius.inc (date of access: 01.10.2023). (In English)
8. Lin Yutang The wisdom of Confucius/孔子的智慧 [The Wisdom of Confucius]. PRC, Changsha, 2021. 396 p. (In English-Chinese)
9. Lin Yutang From pagan to Christianity [From pagan to Christian]. New York: Cleveland, World Publishing Company, 1959. 251 p. (In English)
10. Sainte-Beuve Ch. From works of different years. Foreign aesthetics and theory of literature of the XIX-XX centuries: Treatises, articles, essays. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1987. P. 39 – 53.

11. Yurkevich A.G., The Confucian “Four Books” in the conceptual vision of Russian sinologists. Bulletin of RUDN, series. Philosophy. 2006. No. 1 (11). P. 200 – 208.

12. 2000 年第 1 期 (总第 112 期) . 64-68 页 (In Chinese)

Информация об авторе

Дышенов А.В., аспирант, преподаватель, ORCID ID:<https://orcid.org/0000-0003-0053-3184>, Восточный институт, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, mr.graf3@gmail.com

© Дышенов А.В., 2025